

которые должны были привлечь избирателей соответствующих электоральных сегментов.

В целом, несмотря на уход с политической арены СПС и достаточно очевидно прогнозируемую кончину «Яблока» (его «реинкарнация» с помощью О. Митволя вряд ли состоится), можно констатировать, что идеологический вклад данных партий в демократическое развитие постсоветской России можно оценить выше, чем их политические успехи. Многие либеральные ценности, отражающие различные права и свободы граждан, прочно вошли в программы не только действующих парламентских партий, но и в массовое сознание всего спектра электората. Степень их усвоения и понимание содержания могут отличаться достаточно существенно, но сам факт повсеместного признания их социальной значимости позволяет надеяться, что создается единый фундамент демократической плюралистической культуры.

Примечания

- 1 Примечательно, что во время недавнего круглого стола по обсуждению проблем демократии в современной России акцент на либеральных аспектах сделал только один С.Л. Чижков. См.: Демократия: универсальные ценности и многообразие исторического опыта: Материалы совместного круглого стола ИФ РАН, журналов «Полис» и «Политический класс» // Полис. 2008. № 5. С. 55–73.
- 2 См.: Феномен многопартийности в российском обществе. Саратов, 2006; Романов Б. Становление многопартийной системы в постсоветской России // Свободная мысль. 2007. № 4. С. 29–42.
- 3 Явлинский Г.А. О российской политике. М., 1999. С. 179.
- 4 Вилков А.А. Либеральные ценности в массовом сознании россиян в постсоветский период // «Новая Россия»: Власть, общество, управление в контексте либеральных ценностей: Материалы междунар. науч. конф. Москва, 22 марта 2004 г. М., 2004. С. 163–164.
- 5 См.: Зайцева Т.И. В защиту русского либерализма // Полис. 2006. № 1. С. 175.
- 6 См.: Явлинский Г.А. Периферийный капитализм. М., 2003.
- 7 Там же. С. 124.
- 8 Программа Российской демократической партии «Яблоко» «Демократический манифест». Устав Политической партии «Российская демократическая партия «Яблоко». М., 2002. С. 14.
- 9 Там же. С. 9–10.
- 10 Там же. С. 15.
- 11 См.: Чубайс А. Построение либеральной империи – миссия России в XXI веке. Изложение выступления Председателя РАО «ЕЭС России» в Санкт-Петербургском инженерно-экономическом университете 25 сентября 2003 г. М., 2003.
- 12 Там же. С. 14.
- 13 Предвыборная программа политической партии «Союз правых сил». Принята на Съезде СПС 8 сент. 2003 г. (<http://www.sps.ru/?id=205834>); Российский либеральный манифест. 14 дек. 2001 г. (<http://www.sps.ru/?id=214522&PHPSESSID=2db1730ef66064b6a15bc309878592a7>).
- 14 Там же.
- 15 См.: Явлинский Г. Семь шагов к равенству возможностей // <http://www.yavlinsky.ru/said/documents/index.phtml?id=3342>. 19.06.2007.
- 16 См.: Горизонт 2007–2017. Вернуть России будущее. Программа политической партии «Союз правых сил» на 10 лет // <http://www.sps.ru/?id=219334&PHPSESSID=2db1730ef66064b6a15bc309878592a7>
- 17 Там же.
- 18 Явлинский уходит с поста председателя Яблока // <http://lenta.ru/news/2008/06/21/yabloko1/>. Просмотр 21.06.2008.
- 19 Партия «Правое дело» предлагает Президенту отменить сбор подписей для участия в выборах зарегистрированным политическим партиям // http://www.pravoedelo.ru/novosti_ Просмотр 13.02.2009.
- 20 См.: Малинова О.Ю. Партийные идеологии в России: атрибут или антураж? // Полис. 2001. № 5. С. 100.

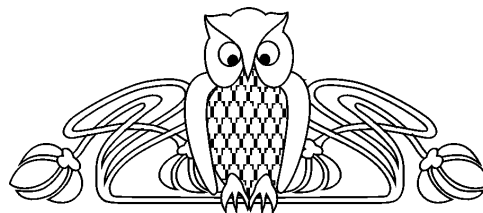
УДК 32.130.3

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕФОРМ: ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ПОДХОДА

Н.Н. Филатов

Саратовский государственный университет,
кафедра истории государства и права
E-mail: FILATOVNN@info.sgu.ru

В статье анализируются особенности и последствия невнимания участников модернизационного процесса на современном его этапе к концептуальному определению пространственных характеристик демократических реформ в России.

Ключевые слова: политическое пространство, российская модернизация, политические процессы, концептуальные основания политики.

The Democratic Reform's Area Definition: Peculiarities of the Russian Approach

N.N. Filatov

In the article the peculiarities of the modernization process and the consequences of its participants' inattention to the conceptual characteristics of democratic reforms in Russia in the current situation are analyzed.

Key words: political area, Russian modernization, political processes, conceptual foundation of politics.

В современной политологической литературе принято деление пространства российской политики на общегосударственное и региональное. Это деление основано на представлении о различиях в масштабах и динамике многих политических процессов. Но ведь любой политический процесс, в своих масштабах и динамических характеристиках, изначально зависит от того, насколько его ресурсный потенциал, его структура, последствия были осмыслены и просчитаны теми политическими субъектами, которые его в свое время инициировали. С этой точки зрения все общегосударственные и региональные политические процессы могут быть поделены на две группы по иному признаку. Можно говорить о процессах, под осуществление которых их инициаторами изначально была подведена непротиворечивая в своих основаниях теоретическая база и соответственно данный политический процесс имел изначально непротиворечивый концептуальный посыл к развитию. В случае, если процесс пошел в нежелательном для общественных интересов русле, правомерно говорить о том, что его вектор изменили некие внешние обстоятельства, которые инициаторы этого процесса просто не могли предвидеть.

И есть другая, в российских условиях гораздо более многочисленная группа политических процессов с неразработанным или противоречиво разработанным теоретическим основанием, про которые можно сказать, что они изначально развивались в условиях отсутствия у их инициаторов четкого представления о целях и ресурсах развития. Это процессы, которые начинались потому, что у инициировавших их субъектов появлялось понимание того, что «надо что-то делать, так больше жить нельзя». Такое различие процессов, основанных на непротиворечивых и противоречивых теоретических посылах, имеет сугубо научный, политологический смысл, потому что с политической точки зрения развитие любого политического процесса зависит от властной воли и ресурсов властвования. Науке же часто, по ходу политики, или задним числом, приходится давать обществу и элитам разъяснения по поводу причин, по которым процесс, для реализации которого были в наличии и властная воля, и властные ресурсы, не пришел к изначально запланированным результатам.

Наука может выявить то обстоятельство, что ожидаемый результат был изначально сформулирован для всех участников политического процесса таким образом, что ожидать какого-либо однозначного результата просто было невозможно. Может быть так, что сама формулировка цели политического процесса в силу внутренней противоречивости активизирует разногласия в рядах его участников, и эта борьба переводит вопрос о целях развития из области фундаментальной стратегии в область текущей политической тактики. Происходит такое принципиальное изменение смысла процесса, так меняются субъективные условия его восприятия обществом и элитами, что у граждан возникают закономерные сомнения: а все тот же процесс имеет место, или внутри известной формы уже сложилось иное, противоположное по смыслу содержание. Это философия, но она имеет очевидный практический смысл для политического анализа. Это, в сущности, один из механизмов утраты обществом веры в политику как рациональную общественную практику, подлежащую рациональной критике. Для демократической политики такая вера жизненно необходима и утрата ее особенно значима.

В свое время демократия получила исторический приоритет перед авторитаризмом в развитии европейской цивилизации за счет того, что предложила европейским обществам, обладавшим для этого необходимым культурным и материальным потенциалом, не принимать на веру незыблемость правил политической жизни. Устами своих теоретиков она предложила эти правила критически осмыслить и усовершенствовать, ориентируясь не на религиозные предписания, а на «естественные» свойства человеческой природы. С того времени способность к самокритике, к постоянной переоценке своего опыта остается тем качеством, которое и сегодня привлекает общественные симпатии к демократической политике. Потому что рядовым гражданам это дает надежду, что жизнь, наконец, наладится при очередной смене властвующих демократических элит, критикующих друг друга за некомпетентное политическое управление, и на эту смену рядовой гражданин может прямо повлиять своим электоральным участием. Это одно из важных оснований современной общественной «веры в демократию», как в инструмент обеспечения социального прогресса.

В России эта «вера» в течение всего периода демократических преобразований систематически подвергалась серьезным испытаниям экономическими кризисами и военными конфликтами. Авторы масштабного социологического исследования, проведенного Институтом социологии РАН, утверждают: «... вступление в эпоху демократических преобразований и рыночных отношений, которая, казалось бы, должна была раскрепостить россиян, предоставить им новые права, свободы и возможности, привело к прямо противоположному результату. Последние

17 лет развитие не только России и Запада, но и России и Японии идет в диаметрально противоположных направлениях. ... В этой связи нельзя не вспомнить приводившиеся выше данные о распространенности среди наших сограждан чувства невозможности повлиять на происходящее вокруг них, чувства, которые часто или иногда испытывают около 90% при том, что почти 80% всех россиян хотя бы иногда ощущают, что дальше так жить нельзя¹. И далее: «Именно ощущение тщетности стремлений изменить неприемлемые обстоятельства жизни во многом объясняет и то, что традиции патернализма по-прежнему доминируют в сознании большинства россиян»².

Данный факт, как представляется, может быть объяснен не только особенностями российского менталитета, невосприимчивого, как часто утверждает публицистика, к либеральным ценностям. Это закономерный результат устойчиво невнимательного отношения интеллектуальных и политических элит к тому, как подать обществу пространственные характеристики намечаемых и проводимых преобразований и соответственно обозначить тот рубеж, по которому можно было бы судить, состоялся реформационный процесс или нет.

То, что современная научная и публицистическая критика опытов либерального развития России задается вопросом «А состоялся ли демократический транзит и где его конечный рубеж?», является вполне закономерным. Теоретический поиск ответа на этот вопрос ведется в направлении критики родовых свойств самой либеральной доктрины, в направлении критики российской политической культуры.

К поиску ответа на этот вопрос можно подойти и с другой стороны. Изначально, когда этот транзит только еще начинался и речь шла даже не о либеральной демократии, а об усовершенствовании советской модели демократии, были ли теоретически осмыслены пространственные и временные границы этого реформационного процесса? По сути, может быть, наше сегодняшнее непонимание того, пришел ли демократический транзит к окончанию, есть следствие того нечеткого понимания начала.

В данном случае хотелось бы выделить одно, как представляется, наиболее существенное противоречие в структуре и качестве идеи «перестройки», предопределившее ее политико-культурную функциональность и проявившее тот самый момент невнимания организаторов процесса к теоретически непротиворечивому определению его границ, о котором говорилось выше. Противоречие в определении границ состояло в том, что по содержанию и форме ее подачи идея эта имела определенный идеологический смысл. Она выглядела заявкой со стороны советской элиты, настроенной на реформаторский лад, на комплексное усовершенствование системы советской демократии, на изменение всей стратегии

социально-политического прогресса в соответствии с новыми мировыми тенденциями. «Перестройка» преподносилась как программа новых политических отношений «для нашей страны и для всего мира». Однако в то же самое время она преподносилась и как масштабное, но сугубо тактическое решение наиболее острых и наболевших вопросов функционирования советской системы, связанных с недостатками собственно советской системы экономического и социального развития, не затрагивающее принципиальных основ ее организации, то есть идеологии этой системы, и, по большому счету, не имеющее отношения к проблемам остального мира. Возникла ситуация, в которой возможно было понимание перестройки элитами и обществом и как долгосрочной, почти цивилизационной стратегии развития нашей страны, и как одной из множества «реформ сверху», которыми так богата отечественная история. В этом противоречии, возможно, заключено объяснение того, почему ни элиты, ни общество не оказали, пользуясь формулировкой современного французского политолога Анн де Тенги, «сопротивления перестройке». Примечательно, что редакция журнала «Полис», дала в перепечатке публикации французского автора к этому месту такой комментарий: «Было бы, по меньшей мере, странно ожидать сопротивления этому процессу от государства, верховный руководитель которого лично провозгласил соответствующий курс своим главным политическим приоритетом, а значительная часть элиты которого связывала с “курсом на перестройку” свои стратегические интересы»³.

Дело, по-видимому, не только в российской психологии отношений «масса-лидер». Трудно, в принципе, что-либо возразить против политической программы, масштаб реализации которой, пространственный и временной, в принципе не ясен, когда не ясно, имеешь ли дело со стратегией (идеологией) развития социально-политической системы или только с вынужденным тактическим отступлением от прежних правил политики.

Даже если бы некий активный сторонник «перестройки» принципиально определил для себя, что имеет дело с цивилизационной стратегией, он имел повод для сомнений в ее продуктивности на основании того, как для этой стратегии были теоретически установлены пространственные границы. Показательна структура раздела «Современный мир: основные тенденции и противоречия» в политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду, озвученном М.С. Горбачевым⁴. Изменение внешнеполитических и международных экономических условий развития СССР в докладе преподносилось в качестве ключевого аргумента, подчеркивавшего объективную необходимость «перестройки» в нашей стране, в качестве принципиальных границ, к которым следует двигаться всей социально-политической системе. В этом разделе доклада основные проблемные позиции были расставлены в соответствии с основными

советскими идеологическими императивами. Утверждалось, что «Мировой социализм – мощное международное образование ...», что «Ход социального прогресса тесно связан с антиколониальными революциями ...», что «Общественный прогресс находит свое выражение в развитии международного коммунистического и рабочего движения ...», что важнейшее для судеб противоречие в мировой политике связано с «отношениями между государствами двух систем, двух формаций ...», что налицо множество подтверждений углубления «общего кризиса капитализма». В докладе давалась выдержанная в советских идеологических традициях оценка противоречий между «трудом и капиталом», «межимпериалистических противоречий», противоречий между «империалистическими и развивающимися странами». Говорилось о том, что капитализм несет всем народам «обеднение культуры». И после такого «идеологически выдержанного» анализа положения дел в современном мире, в мире господства капитала и империализма, утверждалось, что надо стараться быть к этому миру ближе, быть более открытыми для его влияния. Утверждалось, что складывается «взаимозависимый, во многом целостный мир». Подчеркивалось при этом, что: «Ход истории, общественного прогресса все настоятельнее требует налаживания конструктивного, соиздательного взаимодействия государств и народов в масштабах всей планеты».

В тексте доклада это противоречие подавалось советским гражданам как противоречие диалектическое и потому с научной точки зрения естественное, как сочетание тенденций к противоборству и взаимозависимости двух мировых систем. Но это было сугубо философское решение противоречия. Реально же данное противоречие рождало вопрос: способна ли советская система, исторически за годы советской власти сориентированная в своем развитии на весь вышеприведенный традиционный комплекс идеологических императивов, с таким идеологическим багажом практически интегрироваться в тот «целостный мир», где доминируют либеральные идеи и ценности, не нарушая его целостности и не разрушая саму себя?

Идея перестройки, оформленная в виде политического лозунга и расшифрованная в виде ряда практических мер, подразумевающих изменения в порядке экономической, социальной, административной и партийной жизни, по сути своей должна была дать понятный общественному сознанию ответ на вопрос, каким образом все это сближение двух систем будет осуществляться на практике и как будет преодолеваться основное диалектическое противоречие. В Политическом докладе эти основные позиции перестройки были прописаны с вполне достаточной четкостью, были обозначены направления перемен в экономике, советском управлении, партийной жизни, культуре.

За исключением одного принципиального момента, который никак не был теоретически

обозначен, что сделало идею перестройки нефункциональным основанием для критического переосмысления советского демократического опыта. Не были четко определены масштаб и глубина перемен в базовых элементах и связях советской экономической и социально-политической систем. Требование «перестроиться», обращенное к политическому субъекту и облеченное в форму новой идеологемы, требовало как минимум конкретизации критериев оценки того, кто перестроился, а кто нет. Получалось же так, что определение этого критерия отдавалось на волю «политически сознательных граждан» и активных поборников «перестройки» в рядах партийных и государственных советских элит. Тем самым были созданы условия для появления вольных интерпретаций идеологической по своему статусу идеи «перестройки», соответствующих политическим интересам конкретного субъекта или социальной группы и, с другой стороны, для неопределенности теоретических позиций, с которых можно было бы осуществлять научную критику опыта развития советской демократии и прогнозирование возможностей ее совершенствования. Впоследствии именно это обстоятельство, как представляется, потребовало введения в дискурс критики недостатков советской демократии и в обоснование возможности ее усовершенствования формулы «углубление перестройки». Формула эта мало помогла теоретическому и практическому решению проблемы потому, что также не содержала в себе четких и понятных массовому сознанию ориентиров возможной и необходимой глубины перемен.

Такие ориентиры были необходимы как минимум по двум причинам. Первая, условно говоря «историческая», причина состояла в том, что система советской демократии, как и любая демократическая система в принципе, изначально была очень чувствительна именно к вопросам пространственного самоопределения. Эту чувствительность последовательно отражали стратегические установки на «мировую революцию», на «построение социализма в отдельно взятой стране», на формирование «социалистического лагеря», а также устоявшийся принцип деления всех участников мировой политики на «прогрессивное человечество» и «империалистические силы». Дополнительная причина этой чувствительности состояла в том, что советская модель демократии должна была отвоевывать себе место в пространстве европейской и мировой политики, в котором все основные сферы влияния и ресурсы изначально были задействованы в историческом конфликте авторитаризма и либеральной демократии, а к XX в. оказались сосредоточены в руках либеральной демократии.

Советская демократия в этих условиях выглядела нарушением правил политической игры, покушением в равной степени и на авторитарные традиции европейской и мировой политики,

и на либеральные начала жизни современных гражданских обществ и правовых государств, на изменение свойств пространства мировой политики. Советские властные элиты этот момент осознавали и фиксировали в советской идеологии, тогда как их либеральные оппоненты фиксировали те же претензии на антисоветских идеологических конструкциях. Исторически сложился баланс идеологически осмысленных границ советской и антисоветской политики, который «перестройка» объективно нарушала, не определяя четко новых пространственных границ политического взаимодействия двух систем.

Воспроизводилось традиционное для советской эпохи смешение научного и идеологического дискурсов, при котором у публицистов и ученых, критикующих опыт советской демократии и доказывающих возможность ее перестройки, появлялась возможность в научных оценках прямо обращаться к идеологическим аргументам, а идеологические вопросы подавать в виде научных проблем, подлежащих широкому и свободному обсуждению. Рядовой гражданин или ученый-аналитик у нас в стране и за рубежом видел критический настрой «перестроечных» элит, связывал этот настрой с процессом демократизации, но имел разумные основания сомневаться в том, понимают ли сами теоретики этого процесса достаточно ясно, куда они ведут общество, будет ли обновленная на неизвестно какую глубину советская демократия лучше или хуже прежних, доперестроечных ее состояний, действительно ли «перестройка» повлияет на весь мир, или же останется проблемой только для СССР.

В основание «веры» рядовых граждан в обновленную советскую демократию средствами научных и публицистических дискуссий, причем на самом высоком уровне, закладывалось сомнение в смысле надвигающихся перемен. То сомнение, которое в дальнейшем будет использовано сторонниками либеральной модели демократического развития России для критики советской демократии как таковой и всех попыток ее перестроить. Ключевой тезис этой критики, согласно которому «перестройка» как идея и практика изначально была обречена на провал, в свете отмеченных выше обстоятельств действительно становился значимым и понятным для массового сознания.

Факт, что многое повторяется не только в самой политике, но и в том, как ее участники смотрят на ее теоретические основания. Сегодня идея «суверенной демократии» по внутренней своей сути и месту в политическом дискурсе также имеет вид стратегической заявки со стороны ныне действующих политических элит на изменение масштабов и свойств пространства, в котором реализуются их политические интересы и возможности. И важной является конкретизация границ политического пространства, в котором демократическое участие будет суверенным, а за его пределами перестает быть таковым. Актуален и вопрос о том, по каким

правовым, экономическим, культурным и административным основаниям может быть выверен суверенитет политического субъекта в условиях, когда российской политической системе в условиях глобализации вновь надо адаптироваться к меняющимся свойствам мирового политического пространства и встраиваться в систему мировой политики. На это сегодня еще мало обращают внимание, но со временем уровень понимания концепта «суверенная демократия» так же определит вектор самокритики российской демократии на последующих этапах ее развития. Сегодня этот концепт в теоретических исследованиях подается в качестве «политической философии России», в контексте диалектических противоречий в развитии современного глобализующегося мира⁵. Практические же (политические, идеологические административные) границы действия идеологического императива «суверенитет» не определены. По сути, речь идет о новом концептуальном основании российской модернизации, но пространственные характеристики этого основания столь же размыты. Как справедливо отмечает В. Иноземцев: «Хотя власть официально провозгласила курс на модернизацию, никто не пытается строго научным образом определить это понятие, а политики и эксперты, говоря о ней, обычно указывают на мало-значительные или вообще не имеющие отношения к делу обстоятельства. Часто приходится слышать, что модернизация нереализуема без демократизации и политических реформ; утверждается, будто она должна быть постиндустриальной и ее судьба в конечном счете решится в сфере инновационных технологий; подчеркивается, что о модернизации нечего рассуждать, если на первый план не поставлено развитие науки и образования. Все эти красивые слова, увы, не проясняют ни целей, которые мы перед собой ставим, ни ближайших шагов, которые могут превратить модернизацию из досужей мечты в повседневную реальность»⁶. Соответственно не определен и тот пространственный и временной рубеж, к которому должна прийти политическая практика. И остается, таким образом, не освоенным теоретически вопрос о политическом потенциале данной идеи, оптимальной ее функциональности. Остается и основание для воспроизводства в массовом сознании «неверия» в демократию.

С некоторой долей условности можно сказать, что в структуре российской политической культуры наряду с многочисленными и своеобразными ментальными установками, на которые исследователи обычно обращают внимание в первую очередь, существует и некое устойчивое пренебрежение к свойствам пространства иницируемых политических процессов. Оно рождает невнимание и к их итогам. В результате вся история России предстает взгляду стороннего наблюдателя чередой незавершенных модернизаций и пугающей рядового гражданина перспективой новых, неопределенных по времени и пространству перемен.

Примечания

- ¹ Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад. Ч. 2. Особенности жизненных ценностей и устремлений россиян. Демократические ценности в структуре массового сознания россиян // Полис. 2008. № 2. С. 86–87.
- ² Там же. С. 88.

УДК 32:070:004:056

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

А.В. Россошанский

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: ie57@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению особенностей средств массовой коммуникации. Анализируются инновационные характеристики традиционных СМИ и новые каналы, механизмы массовой политической коммуникации, порождаемые развитием информационно-компьютерных технологий.

Ключевые слова: средства массовой коммуникации, средства массовой информации, Интернет, интернет-СМИ, медиа, интернет-пространство.

Modern Tendencies of the Mass-Media Development

A.V. Rossoshansky

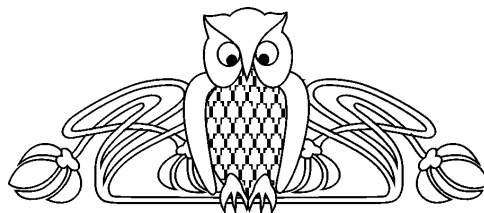
The article is devoted to the consideration of the Mass-Media peculiarities. The innovation features of the traditional Mass-Media and new channels, as well as the mechanisms of mass political communication, that are given birth by the information-computer technologies, are analyzed.

Key words: Mass-Media, the means of mass information, the Internet, the Internet-Media, Media, virtual Internet reality.

Стремительное развитие науки и техники за последние два десятилетия привело к появлению новых цифровых и информационно-компьютерных технологий, которые активно и успешно внедряются по многим направлениям общественной жизни, в том числе и в сфере коммуникации. Их использование привело к изменению традиционных средств массовой коммуникации (СМК) и способствовало появлению новых, ранее не существовавших каналов распространения информации.

Под средствами массовой коммуникации принято понимать каналы, способы, материальные носители, «приспособления» для фиксирования, хранения и распространения информации для, через или от массовой аудитории¹. СМК связаны не только с техническим процессом получения, хранения и передачи информации, но и с технологиями представления и распространения информа-

- ³ Тенги А. де. Выход из империи: тяжелое наследство // Полис. 2008. № 6. С. 58.
- ⁴ XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1986. С. 26–42.
- ⁵ См.: Третьяков В. Суверенная демократия. О политической философии Владимира Путина // PRO суверенную демократию. М., 2007. С. 7–12.
- ⁶ Иноземцев В. Призыв к порядку // Свободная мысль. 2008. № 10. С. 57.

ции. Основными СМК в современном обществе, являются СМИ – это газеты, радио, телевидение. Информационная революция изменила их, а также формы и содержание медиапродукции и медиасреды, способствовала появлению принципиально нового канала коммуникации – Интернета.

Исторически первым средством массовой коммуникации была печатная пресса, которая долгое время являлась лидером по популярности и масштабам распространения из всех масс-медиа. Даже изобретение радио не изменило статус-кво в этой сфере. Ситуация стала стремительно меняться с появлением телевидения. На заре новостного телевидения новостные сюжеты выходили в эфир с 2, 3-дневной задержкой. Однако с появлением цифровых камер и спутников связи новости стали передаваться гораздо быстрее. Сегодня уровень технологий таков, что журналистам не надо обрабатывать свой материал, а достаточно иметь аппаратуру с выходом на спутниковую передачу информации. Наступили времена новостей в режиме реального времени, или, как еще говорят, «живых новостей»². Сидя у экранов телевизоров, можно узнавать о событиях абсолютно в то время, когда они происходят в той или иной точке мира. Телезрители становятся фактически очевидцами событий.

Однако технологическое развитие электронных СМИ продуцирует возникновение ситуаций информационных рисков для органов власти всех уровней, которые лишились монополии на производство и распространение информации. Поскольку сегодняшние новости распространяются мгновенно и доходят до самых отдаленных уголков страны, у властей подчас попросту не остается времени на принятие взвешенных решений, им приходится иметь дело с такими ситуациями, в которых их оппоненты получают информацию быстрее органов власти. Особенно это актуально в